

A figure is completely covered by a white sheet, standing in a field of tall, dry, golden-brown grass. The figure's head is visible through a hole in the sheet. The background is a clear blue sky with some light, wispy clouds. The lighting suggests it's daytime, with the sun casting soft shadows.

Анна
Александрова

Призрак Шерлока Холмса

Мистический детектив

Анна Александрова

Призрак Шерлока Холмса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68761848

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодой журналист сталкивается с запутанной историей убийства и сам едва не погибает. Тайный помощник ведет его от улики к улике. И журналист распутывает узел, хватает удачу за хвост, становится знаменитым. Но так ли все просто? Кто его помощник? Туда ли он его привел?

Содержание

Глава 1. Журналист.	4
Глава 2. «Солнышко».	12
Глава 3. Шерлок Холмс.	28
Глава 4. Чудо.	33
Глава 5. Галлюцинации?	39
Глава 6. Снова за работу.	46
Глава 7. Москва!	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Анна Александрова

Призрак Шерлока Холмса

Глава 1. Журналист.

«Главное следственное управление города Невербина продолжает расследование уголовного дела по факту убийства депутата Госдумы Игоря Столышко. Напомним, что убийство произошло третьего января две тысячи четвёртого года. Неизвестный в маске в упор расстрелял депутата в тот момент, когда тот выходил из автомобиля у подъезда собственного дома. Судя по всему, преступник дожидался его...»

«...где я его повесил, серый в ёлочку, из Мосторга... Во-от он, мой пиджачок... висит... Щас я вам покажу, где я проживаю, а то врываются... вот есть... Москва, третья улица Строителей, дом двадцать пять, квартира двенадцать...»

– Мама! Включи обратно новости!

– Бог ты мой, чего так кричать-то? Сейчас... какой канал был? Этот?

«...от комментариев отказался, сославшись на тайну следствия».

– Ну вот, Здравина по центральному показывали, а я пропустил всё, – молодой человек с укором посмотрел на мать.

– А ты его знаешь, что ли?

– Здравина? Конечно! В смысле его каждый уважающий себя журналист в Невербине знает! Майор Здравин – старший следователь по особо важным делам. Прирождённый сыщик, настоящий Шерлок Холмс! Спорим, он дело Столыпко в два счёта раскроет?! Вот бы у кого интервью взять! Эх, жаль, он нашего брата на дух не переносит...

– А что так?

– Ну ты, мам, даёшь! Это же во всех газетах было! Он тогда ещё в Москве работал, тоже следаком был. Так там один журналюга про него такую статью накатал! Такой скандал раздули! Якобы Здравин ни в чём не повинного человека в тюрьму засадил. Как же его звали? Поляков или Пыляков? Не помню. Ну так вот, этого Полякова за убийство взяли, и взяли чуть ли не с поличным, все факты налицо! А этот журналюга из него жертву сделал. Ну, и Здравин, конечно, в роли главного злодея.

– В самом деле невинного обвинили?

– Ну что ты, мам?! Я же говорю, там все факты были... доказательства. В следственном потом разобрались, конечно, Полякова этого всё равно посадили, но осадок остался, вот Здравин к нам и подался. Уже три года здесь, такие дела раскалывает! И, главное, как красиво!

– Напиши про него хорошую статью.

– Ой, мама-мама, ничего ты не понимаешь в нашей работе... Про Здравина и все его дела пишет Бублик. Он же у нас

ведущий репортёр! А я так, что перепадёт... Сегодня, кстати, поеду в детдом «Солнышко», редактор сказала к четвергу подготовить материал про рождественские ёлки в детских домах. Веселуха! – молодой человек соорудил недовольную гримасу, отчего совсем стал похож на мальчишку.

– Ну, во-первых, не Бублик, а Бубликов. Тем более что он старше тебя раза в два. Во-вторых, писать про детские дома – это тоже неплохо, тут уж как напишешь. В-третьих... а в-третьих, иди завтракать! Уже остыло всё, пока ты своего Шерлока Холмса разглядываешь!

– Что на завтрак? – живо поинтересовался молодой журналист.

– Каша рисовая.

– Каша... – разочарованно протянул он. – А колбасы нет?

– Нет.

– Я видел в холодильнике палку сервелата, – светлые брови неугомонного лукаво взметнулись. – А ещё там кусок буженины лежит.

– И откуда ты всё знаешь? – мать нарочито нахмурилась, глядя, как сын строит ей рожицы. – Это для завтрашнего рождественского ужина, к нам тётя Римма с дядей Петей придут и Кауровы... Ладно, садись, сейчас отрежу. Тебе чего: буженины или колбасы?

– И того и другого. И побольше!

Мать ласково потрепала копну его светло-пшеничных волос и направилась к холодильнику.

Ваня был её единственным сыном, единственной радостью, он был всей её жизнью. Отец ушёл от них, когда Ванечке исполнилось пять лет. Ушёл и больше не появлялся. Но Вера Николаевна (так звали эту приятную во всех отношениях женщину) зла на бывшего мужа не держала. Она считала себя счастливой уже только потому, что у неё был Ваня.

Несмотря на то, что Ванечка (она звала его только так) рос единственным ребенком одинокой женщины, его нельзя было назвать избалованным. Стрельцовы жили небогато – Вера Николаевна работала в центральной городской библиотеке, а там зарплата не впечатляла большими размерами. Правда, случались и дополнительные заработки – мать-одиночка писала под заказ рефераты и курсовые по литературе, так что во времена университетских сессий Стрельцовы могли побаловать себя разными вкусностями и внебюджетными походами в кино.

Ванечка был ласковым и жизнерадостным ребёнком, мать очень любил и уважал, во всём помогал ей. Когда подросток поступил в университет, тоже стал подрабатывать: то сторожем устроится, то рефераты, как мать, однокурсникам пишет. Надо сказать, Вера Николаевна его стремления к заработку не одобряла. Она считала, что Ванечке не стоит отвлекаться от учёбы, и прочила ему будущее великого журналиста.

Мать с детства прививала Ване любовь к литературе, очень радовалась, когда он начал писать свои первые дет-

ские стишки и сказки. Однако скоро она поняла, что великого писателя из Ванечки не получится, да и время сейчас не то — писательский труд ценится мало. Поэтому, когда Ваня вдруг увлёкся журналистикой и изъявил желание поступать на журфак, Вера Николаевна обрадовалась, решив, что на этом поприще её мальчик уж точно займёт пьедестал почёта.

Учёба Ване давалась легко, ему нравилось учиться, нравилось познавать секреты того дела, которому он собирался посвятить всю свою жизнь. Ванечка серьёзно относился к избранной профессии и собирался стать таким же известным, как Андрей Лошак, Дмитрий Быков или Владислав Листьев (но без столь печального конца, разумеется). В своих мечтах он издавал разгромные статьи, расследовал громкие преступления и даже выпускал в эфир собственную телепередачу.

Писал он, кстати, действительно неплохо. Преподаватели хвалили его и после окончания университета дали хорошие рекомендации в местную газету «Невербин Сегодня», где Ванечка трудился уже почти полгода. Да только задания ему поручали какие-то несерьёзные, детские (и в прямом, и в переносном смысле): осветить юбилей местного театра кукол «Аистёнок», или взять интервью у представителей питерской цирковой труппы, заехавшей в город, или вот, как сейчас, про новогодние праздники в детских домах статью написать. Не о том мечтал Ваня, а о чём-то горячем, захватывающем, быть может, даже кровавом. Что ж поделаешь,

он был молод, неопытен и, как большинство смертных, тщеславен. А на детских домах славы не завоюешь. И Ванечка терпеливо ждал своего звёздного часа, внимательно вглядываясь в окружающий мир.

– Ма, как гумаешь, Стагушка сегоня заведётся? – дожёвывая последний бутерброд, спросил Ваня и подошёл к окну.

Он прижался лбом к стеклу, пытаясь разглядеть стоящий внизу гараж-ракушку, одиноко сторбившийся под тяжестью снега. Там, внутри гаража, дремала его Старушка – потрёпанные жизнью «Жигули», доставшиеся Ване ещё от деда. Машина удивляла окружающих уже самим фактом своего существования – такая древняя она была, – но бегала резво, ибо Ванечка тщательно ухаживал за ней. Можно сказать, что он искренне любил эту машину. Во-первых, это была память о деде, а во-вторых, машина для журналиста – что ноги для волка. А волка, как говорится, ноги и кормят.

– Не знаю, Ванечка, считай, все праздники простояла. Вон смотри, как гараж снегом-то замело, откапывать придётся. Может, на автобусе поедешь?

– На автобусе, – рассеянно повторил за матерью Ваня, почёсывая затылок. – Не, до «Солнышка» через весь город ехать, он в Покровском микрорайоне, и от остановки потом топать минут двадцать.

– Надо же, как далеко детский дом построили.

– Угу, в местах не столь отдалённых. Так что меня как минимум полдня не будет, а потом приеду и помогу тебе дом

к Рождеству подготовить. Полы не трогай, вернусь – сам помою. А с тебя фирменная курочка! – Ваня чмокнул мать в щёку и направился в коридор.

– Ладно, мой хороший, уговорил. Будь осторожен, пожалуйста, на дороге.

Вера Николаевна прислонилась плечом к стене и наблюдала, как её Ванечка пытит, затягивая шнурки на высоких ботинках. Она откровенно любовалась им, ведь он вырос действительно красивым мужчиной. Мнение любящей матери также разделяли и многочисленные тётушки, и соседки, и, что важнее, однокурсницы Ванечки и его коллеги женского пола. Ваня был высоким, статным молодым человеком, с широкими развёрнутыми плечами (сказались занятия в секции плавания). Густые волосы цвета пшеницы, коротко подстриженные на затылке, падали упрямыми прядями на широкий лоб, с которым идеально гармонировали прямой, чётко очерченный нос и заострённый, слегка выдвинутый вперёд подбородок. И всё же самыми примечательными в его лице были глаза – неестественно голубые, как у только что родившегося младенца. Их обрамляли пушистые бархатные ресницы, которым завидовали все Ванины подруги. Эти глаза могли бы сгубить немало девичьих сердец. Девушкам просто повезло, что Ваня не был самцом-охотником и к женщинам относился с лёгким благоговением и исследовательским любопытством.

Справившись с ботинками, Ваня надел свою любимую

куртку цвета хаки, замотался по самые глаза полосатым синеголубым шарфом и натянул на голову такую же полосатую шапку. Мать подала ему широкую джинсовую сумку на длинном ремне, забитую всякой мелочью, необходимой Ване для работы и не только. Он перекинул сумку через плечо, достал из-за шкафа миниатюрную сапёрную лопату и, подмигнув матери на прощанье, скрылся за дверью.

Глава 2. «Солнышко».

Старушка не подвела и пусть не с первого раза, но завелась, кряхтя и присвистывая чахлым мотором. Ваня нежно похлопал её по выцветшей панели:

– Спасибо, дорогая! Мы с тобой ещё покатаемся!

Ваня прогрел машину, закрыл ворота ракушки и отправился в путь. Улица была почти пустой, невербинцы всё ещё пребывали в состоянии постновогоднего анабиоза, узаконенного «президентскими» каникулами. Работали только аптеки да продуктовые магазины. Редкие прохожие, кутавшиеся в тёплые шубы и куртки, семенили по скользким тротуарам, как японские гейши, машин на дорогах почти не было. Ваня аккуратно вёл автомобиль, самоотверженно борясь с искушением нарушить скоростной режим. Хотя Старушка вряд ли поддержала бы его. Молодой журналист внимательно вглядывался в проплывающие мимо дома, перекрёстки, памятники, хотя видел их тысячи раз, знал каждый уголок и переулок. А вдруг что-то изменилось? Вдруг произошло что-то такое, что он первый заметит и расскажет потом всему миру? Но всё было, как всегда.

Невербин город небольшой, всего четверть миллиона жителей, что не мешало ему иметь целых пять вузов, четыре театра (включая известный даже за пределами области театр оперы и балета), бесчисленное множество церквей, как

православных, так и католических, и, наконец, свой собственный спортивный комплекс, не уступающий размерами и богатством технического оснащения московским «Лужникам». Зачем в таком маленьком городе был нужен такой большой спортивный комплекс, оставалось загадкой, но невербинцы стадионом гордились и с удовольствием пользовались. Надо сказать, город разрастался с невероятной скоростью. Каждый год на карте Невербина появлялись новые дома, целые микрорайоны. Одним из таких свежестроенных райончиков был и Покровский, куда Ваня держал свой путь.

Сами Стрельцовы жили в старенькой сталинке, разместившейся в центре города. Так уж сложилось, что квартира их предоставлялась когда-то Ваниному деду как служебная, а несколько лет назад (ещё до смерти Николая Петровича) они чудом сумели приватизировать такую завидную жилплощадь. И теперь, чтобы добраться из центра Невербина к его крайнему придатку, Ване надо было преодолеть запутанную сеть центральных улиц, попасть по Новому мосту на левый берег, там обогнуть железнодорожный вокзал, потом свернуть на объездную (тут можно будет чуть-чуть прибавить скорость) и, миновав ещё четыре жилых микрорайона, въехать в заветный Покровский. Ваня преодолел этот путь ровно за тридцать пять минут, ещё двадцать ему понадобилось, чтобы найти среди отряда свеженьких, сияющих окнами многоэтажек небольшой комплекс кирпичных зданий с

приветливой вывеской «Солнышко».

Детский дом «Солнышко» был одним из первых построек в Покровском и поначалу стоял немного поодаль от жилых домов, но со временем добротные высотки окружили его со всех сторон, так что «Солнышку» пришлось отгородиться от долговязых соседей основательным кирпичным забором.

Ваня подъехал к механическим железным воротам, пестрившим нарисованными на них бабочками и цветочками, и на него тут же уставился стеклянный глаз видеокамеры. Если бы не представители флоры и фауны на воротах, то можно было бы подумать, что Ваня собирается навестить засекреченный военный объект – так серьёзно была организована охрана детского дома.

Ваня решил оставить машину снаружи неприступной крепости и уже пешком пройти через проходную, скромно пристроившуюся слева от ворот. За стеклянной перегородкой проходной сидела необъятная тётя в синем халате и серой шали. Она смачно отхлёбывала дымящийся чай из огромной кружки, не отрывая взгляда от маленького чёрно-белого телевизора. Ваня тактично постучал в стекло и приветливо улыбнулся.

– Вам чего? – встрепелась вахтёрша.

– Я к Маргарите Фёдоровне, мы договаривались о встрече. Репортёр из «Невербин Сегодня», – Ваня гордо продемонстрировал своё журналистское удостоверение.

– Ну да, ну да, Маргарита Фёдоровна говорила... Прохо-

дите. Вам надо в главный корпус, это вон то четырёхэтажное здание. Там зайдёте и сразу направо. Если Маргариты Фёдоровны в кабинете нет, значит, у детишек она. Там спросите.

Ваня ещё раз лучезарно улыбнулся и ступил на территорию крепости. Его взгляду предстала образцовая аллея с высаженными по обе стороны пушистыми ёлочками. Где-то рядом слышались звонкие детские голоса и смех. Ваня пошёл по аллее к указанному четырёхэтажному зданию, но не удержался и, пройдя чуть дальше, заглянул за угол, откуда раздавались заразительные переливы хохота. Ваня увидел новенькую детскую площадку с каруселями и качелями, ледяными горками и парой пугающих снеговиков. Среди этого белоснежного царства, визжа от восторга, носились раскрасневшиеся дети. Человек пятнадцать, все одного возраста — лет пяти-шести, одеты в яркие цветные курточки и комбинезоны, отчего были похожи на разноцветный калейдоскоп, который то собирается в замысловатый рисунок, то рассыпается по белому фону. Малышня гоняла по площадке молодую девушку, это её хрустальный смех слышал Ваня, а детки, вторя любимой нянечке, аккомпанировали ей заразительным хохотом и визгом. Наконец-то поддавшись своим воспитанникам, девушка уселась в сугроб, и ребятня тут же окружила её со всех сторон, обнимая и победно ликуя.

Ваня никак не мог оторвать взгляда от этой жизнерадостной картины, всё стоял и любовался сказочной Белоснежкой и её разноцветными хохочущими гномиками. Он опомнился

только тогда, когда девушка сама обратила на него внимание и звонко спросила:

– Вы кого-то ищете?

– Нет, то есть да, – смутился Ваня. – Я к Маргарите Фёдоровне, мы с ней договаривались...

– Маргарита Фёдоровна должна быть у себя, вы прошли мимо входа, – девушка поправила слетевшую на затылок беретку и подошла к Ване. – Во-о-о-н тот подъезд с деревянной дверью, зайдёте и направо.

– Спасибо, – невнятно пробормотал Ваня Стрельцов и с сожалением двинулся в указанном направлении.

«Вот дурак!, – с досадой думал он. – И ведь можно было бы у неё интервью взять...»

Ваня оглянулся, но момент был уже упущен – девушка попала в плен к разноцветным разбойникам, и те не собирались её никуда отпускать.

«Обязательно с ней поговорю. Надо будет вставить в статью мнения воспитателей и преподавателей. Она ведь, наверное, воспитатель», – решил журналист и бодро зашагал вперёд.

Переступив порог главного корпуса «Солнышка», Ваня оказался в уютной обстановке, навевающей воспоминания о раннем детстве. Стены оклеены неброскими светло-зелёными обоями, которые, впрочем, по большей части были закрыты яркими информационными стендами с фотографиями улыбающихся детишек, мультипликационными героя-

ми и всевозможными зайчиками-медведями. По коридорам разносился запах рыбных котлет и компота. Откуда-то сверху слышались звуки фортепьяно и нестройный хор тоненьких голосов. Всё это напомнило Ване детский сад, в который он в своё время ходил с удовольствием, и уж никак не ассоциировалось у него со страшными словами «детский дом» и «сирота».

Осмотрев информационные стенды в маленьком холле, Ваня, как ему и указали, пошёл по коридору направо. Уже через пару метров он поравнялся с солидного вида дверью из тёмного дерева. Металлическая табличка на ней гласила:

**Директор детского дома-интерната «Солнышко»
Маргарита Фёдоровна Мировых**

Ваня стянул с головы шапку, расправил широкие плечи и собирался уже постучать, когда услышал, что хозяйка кабинета ведёт с кем-то телефонный разговор. Чтобы не отвлекать важного человека от важного дела, Ваня решил подождать, пока Маргарита Фёдоровна закончит беседу. Он опёрся на подоконник, так кстати оказавшийся напротив директорского кабинета, и стал вглядываться в пейзаж за окном, надеясь вновь увидеть сказочную воспитательницу. Ваня прижался к стеклу, чтобы увеличить радиус обзора, и чуть было не своротил горшок с чахлой геранью.

– Фу ты, блин, – чертыхнулся он вполголоса.

– Да, она готова, – слышался приглушённый женский голос из-за двери. – Теперь дело только за вами... Когда?.. Боюсь, что это слишком долго, Игорь Викторович. Надо успеть до двадцатого...

Дверь кабинета открылась, и на пороге появилась хоть и немолодая, но привлекательная женщина в строгом сером костюме. Сузив накрашенные глаза, она окинула Ваню холодным пристальным взглядом.

– Я перезвоню, – коротко бросила она в трубку и обратилась уже к Ване: – Вы ко мне, молодой человек?

– Да, – слегка смутился журналист. – Я Иван Стрельцов из «Невербин Сегодня», мы с вами договаривались по телефону, помните? По поводу репортажа о новогодних и рождественских ёлках.

– Ах да, конечно, – женщина широко улыбнулась, и глаза её смотрели уже ласково. – Проходите. Что же вы не постучались? Я думала, показалось, что ли... Давно меня ждёте?

– Нет, только подошёл, – зачем-то соврал Ваня.

– А я тут со спонсором о поставке компьютерной техники договариваюсь. Отремонтировали старую комнату, решили сделать там компьютерный класс, вот теперь спонсоров раскручиваю. Новый год и Рождество – это лучшее время для получения благотворительной помощи. Нам без неё никак, вот и приходится крутиться. Да вы снимите пальто, Ваня. Можно я буду вас так называть?

– Да, конечно, Маргарита Фёдоровна, – откликнулся Ва-

ня, заталкивая длинный шарф в рукав куртки.

Директриса жестом указала на стул, сама села за письменный стол, заваленный папками и бумагами. Она торопливо собрала документы в стопку и, засунув их в выдвижной ящик, вновь обратила свой взгляд на Ваню.

– Так о чём конкретно хочет знать наша многоуважаемая пресса?

– О новогодних ёлках. Как прошли, кто проводил, кто, кстати, оказывал спонсорскую помощь? Планируете ли вы отмечать Рождество в рамках детского дома? Хотелось бы с воспитанниками и воспитателями поговорить. Вопросов масса, я задам их вам в процессе беседы. Но для начала просто расскажите, что сами считаете нужным, о «Солнышке», о сотрудниках, о прошедших праздниках...

Ваня достал из бездонной сумки диктофон, чтобы не пропустить ни единого слова, а также приготовил рабочий блокнот и карандаш, чтобы в процессе беседы записывать возникающие вопросы и мысли.

– Ну что вам сказать... В «Солнышке» живут детки от шести до восемнадцати лет, и, как всем детишкам, им, конечно же, хочется праздника и сказки. Вот и стараемся создать эту сказку в существующих условиях. Скажу сразу, детки у нас трудные, есть беспризорники, многие попали к нам с улицы. И некоторые, похоже, не прочь туда снова вернуться. Но Новый год любят все. И в период новогодних праздников, кстати, попытки бегства сходят на нет. Все ждут подарков, по-

здравлений. Слава спонсорам, с этим у нас проблем не было.

– А кто всё же спонсор?

– Многие помогают, особенно в новогодние праздники. Вот пекарня местная отправила нам десять тортов на Рождество, завтра устроим детишкам праздничный обед. Есть помощь от частных лиц, от общественных организаций. Но нашим главным благотворителем был и остаётся немецкий фонд «Либен». Мы сотрудничаем с ними уже третий год, очень нам помогают. И праздники организовали хорошо, артистов оплатили, а какие подарки детям сделали!

– А что насчёт государственной поддержки?

Маргарита Фёдоровна снисходительно улыбнулась.

– Ну, в какой-то степени они нам тоже помогают. В декабре приезжал к нам депутат Столыпко, детей поздравил, обещал решить проблему с ремонтом спортзала... но теперь придётся вновь пробивать этот вопрос с другими представителями власти.

Ваня удивлённо приподнял брови, услышав фамилию, которая в последние несколько дней занимала топовые позиции всех новостных блоков, но промолчал. А Маргарита Фёдоровна продолжала:

– Главное, что нам повезло со спонсором, а остальное уже приложится с его помощью. Кстати, дети тоже принимали активное участие в подготовке праздника: и номера готовили, и поздравления, костюмы сами себе шили, комнаты украшали. А в актовом зале у нас установили шикарную ёлку...

Да что мы с вами сидим в кабинете? Давайте пройдемся по «Солнышку», и вы сами всё увидите.

Маргарита Фёдоровна решительно встала с места, и Ваня подскочил за ней следом. При выходе директриса закрыла кабинет аж на два дублирующих друг друга замка, пояснив:

– Детки разные есть, были случаи, когда у преподавателей и воспитателей пропадали телефоны или деньги. А у меня в кабинете техника дорогая стоит, личные дела воспитанников опять же хранятся, приходится всё время быть начеку. Ну что ж, пойдёмте сначала в актальный...

Ваня понимающе кивнул и последовал за статной дамой в сером. Они прошли по замысловатым коридорам, больше напоминающим лабиринт, поднялись на второй этаж и уткнулись в двустворчатые, окрашенные светло-зелёной краской двери.

– Раз-два-три – раз, раз-два-три – раз, – отсчитывал кто-то ритм за тонкой перегородкой.

Маргарита Фёдоровна приоткрыла одну из створок и заглянула в актальный зал, потом жестом предложила Ване пройти внутрь. Он повиновался и, перешагнув через порог, увидел группу тоненьких девушек в голубых пачках, порхающих вокруг действительно шикарной ёлки.

– Это они на городской рождественский конкурс готовятся, – шепнула директриса. – Наша танцевальная группа.

– А можно я несколько фотографий сделаю? – так же шёпотом спросил Ваня, а руки его уже извлекали из бездонной

сумки полупрофессиональный фотоаппарат.

– Конечно, можно, – улыбнулась Маргарита Фёдоровна, глядя на танцующих воспитанниц с гордостью и умилением.

В этот момент девочки, заинтересованные появлением привлекательного молодого человека (да ещё и с фотоаппаратом в руках), всё-таки сбились с ритма, и художественный руководитель остановила репетицию.

Маргарита Фёдоровна извинилась за вторжение, представила присутствующим Ваню и предоставила ему полную свободу, отведя худрука в сторонку.

Ваня сделал несколько общих фотографий, отдельно щёлкнул каждую танцовщицу – и, надо сказать, девушки охотно ему позировали, – после чего принялся расспрашивать их о прошедших праздниках и новогодних желаниях. Их суждения были по-детски наивными, а мечты не по-детски серьёзными: кто-то хотел поступить в институт, кто-то отыскать родную маму. Одна из девочек, поразившая Ваню своими огромными грустными глазами, сказала простую, но страшную вещь:

– Я загадала, чтобы Лику нашли и похоронили по-человечески.

– Кто такая Лика? – спросил Ваня, перестав улыбаться.

– Сестра моя. Она пропала две недели назад.

– А что с ней случилось? Почему ты думаешь, что Лика умерла?

Маргарита Фёдоровна, стоявшая на приличном расстоя-

нии от беседующих, с тревогой посмотрела на девочку. Она уже сделала несколько шагов в их сторону, когда дверные створки актового зала с грохотом распахнулись и на пороге, чертыхаясь и стреляя сердитыми взглядами из-под густых бровей, появился высокий мужчина. Ваня аж подскочил на месте, ибо мужчина этот был не кто иной, как легендарный Григорий Здравин.

– Вы Мирowych Маргарита Фёдоровна? – громко, с лёгкой хрипотцой в голосе, задал вопрос Ванин кумир и уверенным шагом направился к директрисе.

– Да, я, – без тени испуга ответила она. – А вы кто и по какому вопросу, простите?

– Майор Здравин, я расследую убийство Столыпко. Он ведь был у вас не так давно? Можем поговорить?

– Конечно, пройдёте в мой кабинет, – кинув на Ваню тревожный взгляд, она что-то шепнула преподавателю танцев и с извиняющейся улыбкой добавила: – Ваня, Эльвира Евгеньевна вам всё расскажет и покажет, а вы после зайдите ко мне, пожалуйста.

– Хорошо, – кивнул молодой журналист, с жадностью глядя в спину удаляющемуся Здравину.

Затем он перевёл рассеянный взгляд на стоящую перед ним девочку. Та продолжала что-то говорить, опустив глаза в пол, но Ваня почти не слышал её – так сильно его потрясла внезапная встреча с кумиром.

Скучная и ничем не примечательная Эльвира Евгеньевна

провела образцово-показательную экскурсию по всему детскому дому «Солнышко», заученным текстом рассказывая про его историю, достижения и планы на будущее. Молодой журналист относился к своей работе ответственно и поэтому внимательно выслушивал смешных картавящих малышей, угрюмых, бубнящих под нос подростков и вздыхающих воспитателей. Хотя на самом деле ему не терпелось поскорее вернуться в кабинет директрисы, где он ещё раз мог встретиться с майором Здравиным.

Когда материала было собрано на целый выпуск, Ваня горячо поблагодарил Эльвиру Евгеньевну и быстрым шагом направился по узким коридорам к уже знакомой массивной двери из тёмного дерева. Но, к его большому сожалению, тот, кого он надеялся застать, уже покинул пределы кабинета. Маргарита Фёдоровна восседала на своём рабочем месте в гордом одиночестве, просматривая увесистую жёлтую папку с документами.

– А, это вы, Ваня, проходите, присаживайтесь, – приветливо кивнула директриса, указывая глазами на стул. – Ну и как вам наше «Солнышко»?

– Всё замечательно, Маргарита Фёдоровна, большое спасибо. К четвергу напишу статью, а в понедельник уже должны будут напечатать.

– А как вам наши детишки? Как прошли интервью с воспитанниками?

– Тоже хорошо, славные дети, порой кажутся слишком се-

рѣзными, но это, должно быть, нормальное явление для си-
рот.

– Да... да... – задумчиво произнесла Маргарита Фёдоров-
на, уставившись в одну точку где-то за Ваниной спиной, по-
том опомнилась и продолжила: – А Ангелина? Она что вам
сказала?

– Ангелина?

– Девочка в актовом зале, вы с ней так долго беседовали...

– Ах да, Ангелина! Такое имя необычное, а я и не запо-
нил. Там как раз Здравин вошёл, вот я и отвлёкся.

– Вы знаете майора Здравина? – вскинув тонкую накра-
шенную бровь спросила директриса.

– А кто ж его не знает! Тем более что я журналист, – мно-
гозначительно произнес Ваня.

– Ну-ну... так что всё-таки Ангелина говорила?

– Что-то про свою сестру Лику, которая пропала перед са-
мым Новым годом. Потом она говорила какие-то странные
вещи про больницу... – Ваня сдвинул брови, усиленно пы-
таясь вспомнить разговор с Ангелиной.

– Про больницу? – встревоженно переспросила Маргари-
та Фёдоровна и добавила еле слышно: – Я так и думала, что
с ней будут проблемы.

– Какие проблемы?

– Ангелина больна, у них это семейное. Анжелика (или
Лику), её родная сестра, тоже страдала психическими рас-
стройствами. Анжелика сбежала из детского дома как раз пе-

ред Новым годом, до сих пор не можем её найти.

– А вы говорили, что в период новогодних праздников дети не убегают.

– Да, говорила, – растягивая слова и внимательно глядя на Ваню, произнесла директриса. – Но Анжелика – это особый случай. Она сбегала раза два или три, каждый раз её находили и возвращали, но она вновь убегала. Это её особенность. Вот посмотрите, – Маргарита Фёдоровна протянула Ване несколько листов из жёлтой папки. – Это Ликино личное дело, а это милицейские протоколы по факту задержания и передачи в детский дом. Видите?

– Да, – растерянно произнёс Ваня, не понимая, зачем ему всё это рассказывают.

– Ангелина хоть и родная сестра Лики, но она совсем другая. Я так надеялась, что болезнь обойдет её стороной... Ну, что-то я увлеклась. Вам, наверное, пора на другие объекты? Рада была знакомству, с нетерпением будем ждать вашей статьи.

– Я тоже рад, – произнёс Ваня, вставая. – Спасибо за всё. Он натянул куртку и направился к двери. Уже взявшись за дверную ручку, обернулся и спросил:

– А Здравин давно уехал?

– Минут за десять до того, как вы вошли. А что?

– Нет, ничего. Так просто... – разочарованно вздохнул Ваня, потянул на себя дверь, переступил через порог и вновь обернулся. – А знаете что? Я напишу про Лику, и вообще

про убегающих детей напишу. Вдруг это поможет её найти? Так что ещё увидимся.

Ваня махнул на прощание рукой, не без удовольствия отметив про себя, что лицо директрисы изумлённо-удивлённо вытянулось после его последних слов, и с чувством выполненного долга наконец-то вышел.

Глава 3. Шерлок Холмс.

Вдыхая полной грудью морозный воздух, Ваня бодро шагнул по закрытой территории детского дома. Уже на проходной, услышав за спиной далёкий детский смех, он вдруг вспомнил, что так и не поговорил с той сказочной воспитательницей, которую встретил здесь первой. Поворачивать назад было поздно, ведь дело сделано, да и как он её найдет? Ваня тяжело вздохнул и продолжил путь.

– Надо обязательно написать про Лику, – пробормотал он вполголоса.

Очувтившись за цветастыми воротами, Ваня увидел свою Старушку, слегка припорошенную снегом, а рядом с ней не столь старую, но порядком потрёпанную иномарку цвета металлик. Капот иномарки был поднят, и из-за него, рассыпая проклятия японским богам, звучал хрипловатый голос, принадлежащий не кому иному, как Григорию Здравину.

Поравнявшись с владельцем битой «Тойоты», Ваня быстро оценил ситуацию. С замиранием сердца и равнодушием в голосе он задал вполне уместный в данной ситуации вопрос:

– Не заводится? Может, помочь чем?

– Да тут уже ничем не поможешь, – прохрипел в ответ Здравин, окинув Ваню проницательным взглядом.

– Тогда, может, до города подвезти? А то здесь до остановки минут двадцать пешком.

– Знаю, – всё так же холодно ответил угрюмый майор. – Может и подвезти... До Горького подкинешь? Ну, или где-нибудь ближе к центру могу выйти.

– Да не вопрос! – беря панибратский тон, воскликнул Ваня.

Он наспех стряхнул со Старушки снег и повернул ключ зажигания. Старенький моторчик вновь не подвёл и послушно загудел. Пока машина прогревалась, Ваня судорожно составлял план беседы с недоверчивым следователем. Но беседа пошла совсем не по плану. Сев в машину и громко хлопнув дверью, Здравин заговорил первым:

– Ты журналист?

– Да. А как...

– Легко. Я же видел, как ты с диктофоном наперевес перед девчонками стоял. Да и вообще, я вас, журналистов, по запаху чувствую. Если ты хороший журналист, то знаешь, кто я, если ты умный журналист, то вопросов про Столыпко и его дело задавать не будешь. Понял?

– Понял, – сердито буркнул Ваня.

Встреча с кумиром оказалась не такой уж и приятной, и Ваня всерьёз подумывал: а не посадить ли хамоватого пассажира на ближайшей автобусной остановке? Пусть прокатится на общественном транспорте, хоть так станет ближе к народу. Как будто услышав его мысли, Здравин смягчил тон:

– Извини, если что не так. У меня сегодня день какой-то дурной, ещё машина сломалась...

– Забыли, – угрюмо отозвался Ваня, всё ещё сердясь, но остановку проехал.

Оба пассажира Старушки напряжённо молчали: Ваня прикидывал, стоит ли ему рассказывать об этой встрече в редакции, а Здравин сосредоточенно смотрел в окно. Пару раз он оборачивался и затем вновь утыкался в боковое стекло, вернее, в зеркало заднего вида, тускло поблёскивающее за ним.

– Тебе знаком серебристый «Лэнд-Крузер», госномер семьсот сорок восемь? – неожиданно спросил Здравин.

– Нет, – озадаченно ответил Ваня и тоже заглянул в зеркало заднего вида.

– С самого детского дома за нами следует.

– Да здесь до города одна дорога! Если ему тоже в центр, так и будет за нами ехать.

– Новенький «Лэнд-Крузер» за ржавой копейкой? Он уже раз пятьдесят мог бы нас обогнать. Нет, он едет именно *за нами!* Притормози.

Ваня послушно нажал на педаль тормоза. Старушка закрипела и медленно остановилась на обочине. Серебристый красавец тоже замедлил ход, но, неожиданно передумав, набрал скорость и пронёсся мимо.

– Ну, вот видите! – усмехнулся Ваня.

– Ладно, поехали, – раздражённо махнул рукой Здравин. – Совсем нервы ни к чёрту!

Ваня в принципе не умел долго злиться, а вид затравлен-

ного Сыщика Номер Один вызвал в нём жалость и сочувствие. Поэтому, великодушно простив своему герою все грехи, Ваня принялся украдкой разглядывать человека, чьё лицо неоднократно видел в газетах, но никогда в непосредственной близости.

Георгию Здравину было тридцать семь лет, но выглядел он не меньше чем на сорок пять. Глубокая морщина на переносице проводила границу меж густых заросших бровей. Крупный нос с заметной горбинкой выделялся на худощавом лице. Если бы не светлые глаза и русые волосы, то его можно было бы принять за грузина. Опять же, кожа у Здравина была смуглая, как будто подкопченная южным солнцем, и серые, почти стального цвета глаза на её фоне выглядели неестественно. Оттого и взгляд становился тяжёлым, напрягающим.

Объёмное драповое пальто не скрывало крепкое телосложение Здравина. Жилистая шея и массивные руки, выглядывающие из рукавов, внушали почтительное уважение и лёгкое опасение. Ване сразу вспомнились многочисленные байки, ходившие по редакции, о том, как Здравин однажды хорошенько напощал назойливому журналисту из конкурирующей газеты.

Не желая повторять участь неудачливого коллеги, Ваня прекратил осмотр интересующего объекта и вновь сосредоточился на дороге, тем более что они выехали на опасный участок. Это была местная «чёрная дыра». Сколько машин

здесь разбилось, никто уже и не считал. Хотя внешне никаких особых сложностей эти злосчастные пятьсот метров не содержали – да, небольшой овраг справа, но он тщательно ограждён придорожными блоками; да, несколько закрытых поворотов, но такие встречаются везде и всюду. Однако именно здесь с настойчивым упорством бьются невербинские машины.

Ваня зашёл в поворот, слегка поддал газу для плавного выхода, как вдруг в боковое стекло Старушки упёрлась блестящая серебристая дверь внедорожника. Беднягу прижало к бетонным блокам, отчего она издала пронзительный звук – не то скрежет, не то стон. Ваня попытался выровнять Старушку, но где ей было тягаться с мощным «Лэнд-Крузером»? Серебристый монстр на мгновение оторвался от своей жертвы, но только для того, чтобы нанести ей новый удар с ещё большей силой. Старенький ВАЗ 2101, в народе именуемый копеейкой, громко взвизгнул, налетел передними колёсами на покосившийся бетонный блок и, перескочив через ограждение, кубарем покатился в овраг.

Глава 4. Чудо.

В первый раз Ваня очнулся в машине скорой помощи. Он открыл глаза всего на несколько секунд, совершенно не понимая, что происходит. Над головой хаотично раскачивался пакетик с прозрачной жидкостью, а от него к Ваниному телу тянулась такая же прозрачная трубочка. Незнакомый мужчина с трёхдневной щетиной и тяжёлым запахом перегара заглядывал Ване в глаза и произносил непонятные медицинские термины. Молоденькая девушка в синей куртке тарачила на Ваню свои синие линзы и бестолково кивала, зажавшись в угол. Единственное, что вызвало хоть какие-то положительные эмоции, – это голос с хрипотцой, звучавший позади:

– Держись, журналист! Ты мне нужен живой!

Ваня не мог видеть Здравина, но голоса было достаточно. Журналист успокоился и отключился.

Окончательно Ванечка пришёл в себя уже в больнице, спустя сутки после сложной операции, длившейся семь часов. Доктора совершили невозможное, они буквально вытащили его с того света, и Вера Николаевна прекрасно это понимала.

Она не отходила от сына ни на секунду, не ела, не пила, всё смотрела, как тонкая венка слабо пульсирует на бледной шее. Она даже плакать не могла – боялась, что спугнёт вра-

чебную удачу и что-то вдруг пойдет не так. Когда Ваня наконец открыл глаза, Вера Николаевна судорожно выдохнула, выталкивая из себя нервное напряжение, и руки предательски затряслись.

– Ванечка, сыночек! Ванечка! – шептала несчастная женщина. – Наконец-то... я так боялась! Я так боялась... Лежи, не шевелись! Я сейчас доктора позову.

Вера Николаевна скрылась из поля зрения Вани, но уже через минуту вернулась и вновь села рядом. Ваня почувствовал, как она взяла его руку в свои мягкие, тёплые ладошки, поцеловала её, и горячие материнские слёзы потекли по его сухой коже.

Ваня хотел успокоить маму, но не мог подняться, голова словно налилась свинцом, и ему никак не удавалось оторвать её от подушки. Он лишь шарил глазами по белому потрескавшемуся потолку и больничным стенам палаты, вмещавшимся в радиус обзора. Неожиданно в этот самый радиус вторглось приятное, обрамлённое аккуратное бородкой лицо пожилого мужчины в очках – истинный доктор Айболит, не хватало только белой шапочки с красным крестиком. Айболит приветливо улыбнулся, оттянул нижнее веко на правом глазу Вани, затем на левом, аккуратно прощупал пульс на шее.

– Ну что, счастливчик, ‘азговаивать будем? – смешно картавя, спросил Айболит.

Ваня попытался открыть рот и произнести простое «бу-

дем», но получилось что-то нечленораздельное.

— Понятно, — протянул доктор. — Будем, но позже. А сейчас молчите и п'осто слушайте. Вы попали в авайю, помните?

Ваня прикрыл глаза, подтверждая, что помнит. Доктор продолжил:

— Вы получили се'ёзную чеепно-мозговую т'авму. Хоошо, что вашу 'азбитую машину своев'еменно заметили п'оезжающие мимо гаишники, они же и вызвали скоую помощь. Опеацию п'овели здесь, в неве'бинской гоодской. Скажу п'ямо, опеация была не из лёгких, и я сам не до конца веил в её успешный исход. Мы вытащили из вашей чеепной кообки двенадцать костных осколков...

Из-за спины доктора послышались судорожные рыдания, переходящие в истерику. Айболит отвлёкся от Вани и переключился на его мать:

— Ну-ну, Веа Николаевна, всё же позади, теперь уже точно всё хоошо. Так замечательно де'жались, и вот на тебе! Лидочка! — крикнул доктор в открытую дверь, и в палату впорхнула молоденькая медсестра. — П'инеси-ка успокоительное! А ещё лучше подготовь-ка место в седьмой палате и капельницу с глюкозкой. Пойдемте, Веа Николаевна, я вам диазепамчик поставлю, надо отдохнуть, а то окажетесь в соседнем отделении, кому же я тогда сына буду выписывать?

Доктор увёл рыдающую мать, и Ваня остался один. Он прикрыл тяжёлые веки и стал прислушиваться к своим внутренним ощущениям. Боли он не чувствовал, только в голове

слегка шумело, как будто к уху приложили морскую раковину и она делится звуками далёкого моря. Ваня пролежал так минут пять, когда услышал неловкое покашливание, и уже знакомый голос с лёгкой хрипотцой осторожно произнёс:

– Журналист, ты спишь?

Ваня мгновенно открыл глаза, обводя взглядом окружающее пространство. Над ним, виновато улыбаясь, склонялся Григорий Здравин. Соответствуя своей фамилии, он пребывал в полном здравии, и на лице его не было ни единой царапины.

– Да уж, сильно тебя покорёжило, – осторожно подбирая слова, говорил Здравин. – Я уж думал, конец тебе, когда твою разбитую черепушку увидел. У сестрички в скорой вообще припадок случился... тоже мне медичка, блин. Но главное, что жив. Правда?

Ваня снова прикрыл глаза в знак согласия, не в силах произнести ни слова. А Здравин, понимающе кивнув, продолжил:

– Я вот чего пришёл. Ты прости меня. Из-за меня всё это произошло. Видать, где-то по делу Столыпко на гнилую точку надавил. Ещё бы знать, где именно... Но ничего, я их вычислю, никуда не денутся, – мощная челюсть нервно задвигалась, а стальной взгляд упёрся в стену. Спустя мгновение, выражение его лица вновь сменилось на виновато-участливое. – Ты только выздоравливай поскорее, мне твоя помощь нужна будет.

Ваня не произнёс ни слова, но удивление, отразившееся в его глазах, донесло до Здравина суть возникшего вопроса.

— Я сейчас, понимаешь ли, никому в отделе довериться не могу. Да и с тобой мы, можно сказать, кровью связаны... Нам вместе быть надо, — попытался объяснить Здравин внезапно возникшее доверие к представителю столь ненавистной ему профессии. — Но ты сейчас голову этим не забивай. Тебе сначала восстановиться надо. А я подожду. Мне тут тоже кое с чем разобраться придётся. Так что давай, журналист, ещё увидимся!

Он по-приятельски подмигнул и исчез из поля зрения так же тихо, как и появился. Ваня вновь остался в полнейшей тишине, прокручивая в голове только что услышанный монолог и удивляясь столь резким переменам в поведении железного Григория Здравина. Вскоре Ваня вновь провалился в глубокий сон без сновидений.

Выздоровление протекало быстро. Спасибо крепкому молодому организму, не испорченному вредными привычками, а также доктору Айболиту, которого, кстати, звали Виктором Михайловичем, и был он не кем иным, как главврачом нейрохирургического отделения. Последний так проникся заботой о хрупкой и беззащитной Вере Николаевне, что решил взять её сына под личный контроль.

Первые дни Ваня много спал, мало ел и почти не разговаривал, но постепенно способность внятно и членораздельно изъясняться вернулась к нему, даже заикания не осталось.

Уже через неделю он смог пройти несколько шагов по палате, а ещё через две гулял по коридорам отделения, вызывая томные вздохи со стороны молоденьких медсестёр.

Ободрённая успехами сына, Вера Николаевна обратилась к главврачу с просьбой отпустить Ванечку домой, и тот согласился с условием, что лично будет навещать больного. На том и порешили.

Глава 5. Галлюцинации?

Попав в знакомую обстановку родной комнаты, Ваня нежно провёл пальцем по клавиатуре ноутбука, бросил взгляд на стопку старых газет, в которых были напечатаны его статьи, и понял, что соскучился по работе. Его большая джинсовая сумка, та самая, с которой он ездил на своё последнее задание, висела на крючке за дверью. Он раскрыл её и извлёк рабочие инструменты: фотоаппарат, диктофон и блокнот с записями по детскому дому «Солнышко». Ваня отложил аппаратуру в сторону. Статья про новогодние ёлки в воспитательных учреждениях была уже не актуальна – слишком много времени прошло с тех праздников. Надо было позвонить в редакцию, сказать, что он готов вернуться в строй, и получить очередное скучное задание про какой-нибудь юбилей.

Ваня вспомнил о Здравине – с того первого дня в больнице тот больше ни разу его не навещал.

«Может, он передумал брать меня в помощники? – пришла в голову унылая мысль. – Телефона не оставил, сам исчез. Хоть бы записку какую написал».

Немного поразмыслив, Ваня порывлся в телефонной книжке и набрал номер своего старшего и более успешного коллеги.

– Журналист Степан Бубликов на проводе! Слушаю вас! – послышался из телефонной трубки самодовольный голос.

– Степан, приветствую! Это Ваня Стрельцов.

– Ой, Ванятко, здоровеньки булы! Только что тебя вспоминал, долго жить будешь! Всё хотел тебя в больнице навестить, а меня, представляешь, не пустили! Хорошо, что сам позвонил. Ну, как ты? Как себя чувствуешь? Авария-то какая жуткая! Я машину видел – на ней живого места нет!

– Да я вроде в порядке, – прерывая болтливого коллегу, вклинился Ваня в его словесный поток. – Я, Степа, к тебе по делу. Ты ведь криминальную колонку у нас ведёшь? Григорий Здравин твой главный герой. Может, знаешь его телефон? Или телефон отдела, где он работает? В общем, как его найти можно?

– А тебе зачем? – вкрадчиво спросил Бубликов.

– Просто хотел узнать, как он, – попытался скрыть свои истинные намерения Ваня. – Он меня навестил один раз в больнице, а потом пропал. Вот думаю, всё ли с ним в порядке.

– В смысле навестил? – осторожно выводил информацию ушлый коллега.

– Ну, в каком смысле навещают?! Пришёл в палату после того, как меня прооперировали, спросил, как здоровье, сказал быть на связи. Всё!

– Через день после операции? – никак не унимался Бубликов.

– Да! Так ты дашь его телефон?

– Вань, понимаешь ли... Здравин погиб в той аварии. У

тебя, наверное, после наркоза галлюцинации были... такое случается...

В трубке повисла тишина, Ваня недоверчиво улыбнулся своему отражению в зеркале стенного шкафа.

– Бублик, ты сейчас шутишь? Не смешно.

– Нет, Ванятко. Тут не до шуток! Я сам лично труп видел. Он ведь непристёгнутый ехал, и сразу... на месте... ещё до приезда скорой! Я ведь чего к тебе в больницу и ходил. Ты мне скажи, он что в твоей машине делал-то?! Вы о чём говорили? Он что-нибудь про Столыпко рассказывал?

– Нет, ничего, – глухо отозвался Ваня, всё ещё не веря услышанному. – А кто сейчас его дело ведёт?

– Дело Столыпко? Следователь Рябинин взял.

– Нет, я говорю о деле Здравина. Кто расследует его гибель?

– Так ведь там у вас вроде несчастный... Гаишники сказали, на повороте занесло, ты с управлением не справился, вот и выкинуло. Там же такое раз в месяц случается. Или... или что-то другое было?

– Нет-нет, – поспешно ответил Ваня. – Слушай, что-то мне нехорошо сейчас. Ты не возражаешь, если я позже перезвоню?

– Да, конечно, Ванятко! Звони, когда будет удобно! Может, встретимся как-нибудь? Кофе попьем по-приятельски? – Бубликов явно чувствовал, что Ваня чего-то недоговаривает, и хотел поживиться информацией за счёт молодого

го коллеги.

– Созвонимся, Стёп, – кивнул Ваня и положил трубку.

Ваня действительно почувствовал себя нехорошо – голова кружилась, ноги предательски подкашивались. Он опёрся руками о стол и ещё раз взглянул на своё отражение.

– Неужели галлюцинации? И в больнице, и в машине скорой помощи? – задал сам себе вопрос Ваня и сам же ответил: – Нет, не может быть... Бублик прикололся! Развёл меня, а я и поверил!

Ваня выглянул в гостиную, она же была и спальней Веры Николаевны. Матери в комнате не было. Ваня прошёл на маленькую кухоньку и застал её за подготовкой сладкого сюрприза. Вера Николаевна нарезала аппетитный черёмуховый торт, Ванин любимый, кстати.

– А вот и ты, Ванечка! – обрадовалась она. – Как раз собиралась тебя звать. Та-дам! Твой любимый тортик! С возвращением домой, сынок!

– Спасибо, мам.

– Кауровы хотели вечером прийти, – продолжала довольная Вера Николаевна, разливая чай. – Но я сказала, что не сегодня. Тебе отдохнуть надо, расслабиться, да и Виктор Михайлович настоятельно рекомендовал покой и тишину, так что обойдёмся без гостей. Правда?

– Угу, – промычал Ваня, пережёвывая кусок торта, и, возвращаясь мыслями к незванным гостям, задал мучающий его вопрос: – Ма, а в больнице меня кто-нибудь навещал?

– Дай подумать... Бубликов Степан приходил, но его к тебе не пустили, ты ещё разговаривать не мог. Девочки из газеты звонили на домашний, я тебе вроде передавала от них привет. Пытался прорваться гаишник – про аварию хотел поговорить, но Виктор Михайлович его не пустил, сказал, что тебе волноваться вредно. Ой, какой он замечательный человек, этот Виктор Михайлович! Так хорошо...

– Ма, а Здравин? – перебил восторженную речь Ваня.

– Что Здравин? – опешила Вера Николаевна.

– Ну, что с ним? – осторожно спросил Ваня, не решаясь говорить матери, что видел следователя в больнице.

– Я думала, ты знаешь, – пролепетала та расстроенным голосом. – Он погиб тогда... Его на Старом Невербинском кладбище похоронили.

Кусок сочного торта глухо шмякнулся на чайное блюдо. Пытаясь скрыть от матери замешательство, Ваня и в этот раз сослался на плохое самочувствие. Он поблагодарил Веру Николаевну за сюрприз и поспешно ушёл к себе в комнату.

Ваня лежал на кровати и старался вспомнить подробности своего странного видения, чтобы убедиться, что это действительно была галлюцинация, когда в дверь позвонили. Спустя несколько минут в комнату вошёл доктор Айболит. Это мама, обеспокоенная Ваниным здоровьем, связалась с замечательным Виктором Михайловичем, а тот изъявил желание лично провести больного.

– Ну-с, что случилось? – спросил доктор, доставая из объ-

ёмной сумки тонометр. – Что-то болит?

– Нет, всё в порядке, Виктор Михайлович. Мама зря беспокоится, я просто устал, – смущённо поглядывая то на доктора, то на мать, оправдывался Ваня.

– Ну, мама на то и мама, чтобы беспокоиться. А лишний ‘аз п’овеиться будет нелишним.

Доктор замерил давление, прощупал пульс, заглянул в Ванины голубые глаза, осторожно осмотрел повязку на голове и вынес вердикт:

– Действительно, всё в поядке. За ложный вызов с вас, Веа Николаевна, чашечка кофе п’ичитается и то самое, чем у вас так вкусно по всей ква’тие пахнет, – улыбнулся доктор.

Зардевшаяся Вера Николаевна ретировалась в кухню, а доктор начал складывать свои медицинские приборы обратно в сумку.

– Виктор Михайлович, – робко начал Ваня. – Скажите, у меня после операции... с головой проблем не будет?

– Что вы имеете в виду, молодой человек?

– Ну, не знаю, шизофрения, слабоумие... мне это не грозит?

– Шизоф’ения – это болезнь души, мой милый, ваша голова тут ни п’и чём, – терпеливо картавил доктор. – Почему такие воп’осы?

– Понимаете, у меня были видения...

– Интеесно, – Виктор Михайлович внимательно посмотрел на Ваню и приготовился слушать.

– Я Здравина видел, того человека, который со мной в машине был... и погиб. Я его после аварии видел. Он в палату приходил, сразу после того, как я очнулся.

– Если это случилось сразу после операции, то здесь может быть влияние на козла. Больше видений не повторилось?

– После не было. Было до, в скорой ещё... кажется. Я плохо помню, терял сознание. Но тогда, в больнице, это ... так реалистично!

– Не бейте в голову, Ваня. После такой тяжёлой операции, после шока, который вы перенесли, могло появиться что угодно. Если повторных галлюцинаций не было, значит, всё с вами в порядке. Но на всякий случай давайте договоримся – если вас будут беспокоить странные видения, головные боли, головокружения, сразу звоните мне. Хорошо?

– Хорошо, – вздохнул Ваня, успокоившись.

– Вот и ладненько, а сейчас я, если не возражаете, воспользуюсь гостеприимством вашей матушки и выпью чашечку кофе.

Глава 6. Снова за работу.

Активному Ване было тягостно сидеть дома без дела и движения. Кроме того, ему никак не давала покоя одна важная вещь – причина смертоносной аварии, в которую он попал. Если верить Бубликову, милиция решила, что авария произошла в результате несчастного случая, значит, они и знать не знают о серебристом «Лэнд-Крузере», который столкнул Старушку в овраг.

Нет, то был не несчастный случай, то было убийство! А всякое убийство требует тщательного расследования. Ваня только никак не мог решить – позвонить ли ему в милицию и передать ценные сведения опытному детективу или начать расследование самостоятельно? Последнее было ой как привлекательно! Ваня знал госномер злосчастного внедорожника – 748! Он как сейчас помнил... слышал, как ныне покойный Здравин произносит эту цифру. Майор тогда сразу почувствовал слезку. Возможно, даже догадывался, кто за ним следит.

Зная номер машины, можно найти убийц Здравина, а значит, и убийц депутата Столыпко. Вот они – слава и успех великого журналиста-расследователя!

Ваня мучился сомнениями несколько дней, и если бы в это время гаишники (порой такие дотошные) навестили его или хотя бы позвонили, чтобы уточнить детали аварии, то

Ваня, несомненно, рассказал бы им и про «Лэнд-Крузер», и про слежку, и про подозрения Здравина. Но о Ване просто-напросто забыли, его дело уже пошло в архив, и там, в протоколе, в графе «Свидетели» стояла короткая запись – «Свидетелей нет». Вот так журналист Иван Стрельцов пришёл к решению не упускать шанс и самостоятельно расследовать убийство (сразу два убийства!).

После того как выбор был сделан, Ваня мучился уже не сомнениями, а бездействием – ему не терпелось начать работу. Не откладывая дело в долгий ящик, он позвонил своему бывшему однокласснику Роме (или попросту Ромашке), который в настоящее время промышлял тем, что продавал в подземных переходах пиратские диски с музыкой, фильмами, играми, а порой и с различными базами данных. Достать информацию по всем зарегистрированным в городе автомобилям было для Ромашки делом пустяковым, но он решил поднять себе цену.

– А зачем тебе? – прогнусавил Ромашка в телефон (продавая свою незаконную продукцию в холодных переходах, он заработал хронический гайморит).

– Надо, – решил не церемониться со старым знакомым Ваня.

– Ну скажи зачем?

– Когда ты палёные порнофильмы на остановке толкаешь, ты у покупателя тоже спрашиваешь зачем?

– То фильмы, а то база данных ГИБДД! Её ещё найти на-

до, людей беспокоить...

– Ромашка, не придуривайся! Вся информация по невербинскому ГИБДД уже давно нарезана на диски и лежит где-нибудь под диваном, так что единственным, кого ты побеспокоишь, будет твой толстый кот. Он, кстати, жив ещё?

– Жив котяга, вон развалился на полу, – хмыкнул Рома в трубку. – Ты бы сразу сказал, что тебе по Невербину надо. Я-то думал, ты про Москву говоришь.

– Про Москву? – Ваня растерянно потёр переносицу.

Про столицу он даже и не вспомнил, а ведь, действительно, серебристый внедорожник мог быть зарегистрирован и в первопрестольной. Дело в том, что от Москвы до Невербина было каких-то два–три часа по трассе, и столичные гости частенько посещали славный Невербин. А уж тот факт, что депутат Столыпко из златоглавой практически не вылезал, должен был натолкнуть новоиспеченного следователя на мысль о более широкой географии поиска.

– По Невербину триста будет стоять, могу сегодня вечером завезти, – гундосил тем временем Ромашка.

– А по Москве?

– Так всё-таки Москва нужна или Невербин? – начал раздражаться собеседник на той стороне провода.

– И то и другое.

– Про Москву ещё не знаю. У меня этой базы нет, пока её найдут, пока доедет... стоять будет... может, пятьсот, может, штуку.

– Давай так, – поморщился Ваня, предчувствуя внебюджетные расходы. – Ты мне Невербин пока занеси и уточни, сколько Москва будет стоить, а я тебе завтра же скажу, нужна она или нет.

На том и договорились. И уже вечером Ваня жадно просматривал информацию по машинам с государственным номером 748 (букв он не знал), зарегистрированным в Невербине. Таких машин нашлось около десятка, но, к огромному Ваниному разочарованию, среди них не было ни одного «Лэнд-Крузера».

Ване пришлось уменьшить свои денежные накопления ещё на тысячу рублей и потерять ещё два дня, чтобы получить московскую базу данных. Он ждал её с замиранием сердца, и вовсе не потому, что боялся потратить деньги впустую. Он понимал, что если и там не найдёт машину-убийцу, то его расследование зайдёт в тупик, так и не начавшись.

Однако в этот раз таблица из букв и цифр не подвела. В Москве было зарегистрировано целых два автомобиля «Лэнд-Крузер» с искомым номером. Один, О748КР, принадлежал некому Груднину Артёму Михайловичу, другой, К748ТТ, – Шитину Игорю Викторовичу. Оба внедорожника в графе «цвет» имели запись «СЕРЕБРИСТЫЙ», но были разного года выпуска: первый – 2001-го, второй – 1999-го. Ваня залез во всемирную сеть Интернет, чтобы посмотреть, в чем заключается разница между моделями этих двух годов, но существенных отличий не увидел. На Старушку мог на-

пасть любой из них.

Чтобы установить, какой из этих автомобилей виноват в аварии, надо поехать в Москву. А это было делом проблематичным – во-первых, Вера Николаевна никогда и ни за что не отпустит его по доброй воле, а ругаться с ней он не хотел, во-вторых, на поиск и исследование двух подозреваемых «крузеров» уйдёт, возможно, несколько дней, и это время надо где-то жить.

Вообще-то в Москве учился Ванин троюродный брат Колька, он снимал угол в общежитии на окраине, так что пару дней можно и у него погостить. Чтобы убедиться в надёжности потенциального московского пристанища, Ваня позвонил дальнему родственнику, и тот радостно принял известие о его возможном приезде:

– Конечно, приезжай! У меня как раз друган к девчонке своей съехал, так что его койка свободная – можешь жить!

– Я всего на пару дней, надо решить кое-что по работе.

– Да хоть навсегда! Только к моим предварительно заскочи, пусть маман с тобой денег отправит и поесть чего-нибудь домашнего, а то от фастфуда у меня уже изжога, похоже.

– Хорошо, я им позвоню, – улыбнулся Ваня непосредственной простоте своего братца.

Вечером того же дня Ваня переговорил с Верой Николаевной, соврав ей, что у него срочное задание от редакции и он не может им отказать. Обеспокоенная мать поворчала, попричитала, но после продолжительного телефонного раз-

говора с замечательным Виктором Михайловичем сына отпустила.

Глава 7. Москва!

– Только будь осторожен там, Ванечка. Голову береги, шапку не снимай, под ноги смотри, чтобы не упасть, – давала многочисленные наставления Вера Николаевна.

– Мама, после операции месяц прошёл, швы сняли, доктора сказали, что всё зажило, – успокаивал её Ваня. – Я в полном порядке, но если тебе так будет спокойнее, то обещаю, что буду очень-очень осторожен.

– Ну, с богом!

Вера Николаевна украдкой перекрестила сына, когда тот наклонился за увесистой сумкой с домашними заготовками для братца Кольки. Ванины личные вещи легко поместились в спортивный рюкзак, висевший за плечами. Ваня поцеловал мать и вскочил на подножку автобуса, подтягивая за собой тяжёлую полосатую сумку.

«Надеюсь, Коля меня встретит, как обещал», – подумал он, продвигаясь по узкому проходу пазика к свободному месту.

Путешествие до Москвы прошло без происшествий и уложилось в плановые три часа. И уже в два пополудни Ваня всматривался в просторы Павелецкой площади, отыскивая знакомое лицо дальнего родственника.

Пунктуальностью Колька никогда не отличался, он вообще был весьма безответственной личностью, так что вполне

можно было ожидать, что Ваню никто и не собирался встречать. На этот случай у него был записан адрес и примерный маршрут движения. Единственное, что отягощало ситуацию и в прямом, и в переносном смысле, так это огромная сумка продуктовых запасов, собранная тётей Риммой для любимого сыночка.

Сыночек, кстати, учился на третьем курсе спортивного техникума и отличался отменным аппетитом и таким же отменным здоровьем. Как и Ваня, Колька был единственным ребёнком в семье (правда, в семье полной). Но, в отличие от старшего троюродного брата, предпочитал пока жить на иждивении у работяг-родителей. Он снимал комнату в одном из общежитий, как правило, на пару с кем-нибудь из приятелей, но по непонятным для Коли причинам друзья эти частенько сменялись. Вообще-то Коля был человеком лёгким и добродушным. Да – безответственный, да – ленивый, совершенно без амбиций и без чёткой цели в жизни, но весёлый и любящий жизнь. Хотя порою (особенно когда одиноко тащишь по площади двадцатикилограммовую сумку сомнительного вида) такого весёлого и жизнерадостного родственничка хочется придушить.

Ваня уже пробился к станции метро, когда на его плечо легла увесистая ладонь в кожаной перчатке.

– Предъявите документы, гражданин! – зычно громыхнул высокий парень в милицейской форме.

– Да пошёл ты! – рывкнул Ваня. – Тебя сколько ждать мож-

но?! И что за маскарад?

– Ладно тебе, – захохотал Колька (а это был именно он) и подхватил тяжёлую сумку одной левой. – Я совсем чуть-чуть опоздал. А костюмчик друг мой оставил, сам съехал, а вещи ещё не все забрал – грех было не примерить!

– Дурак ты! – сказал Ваня уже с улыбкой и крепко обнял брата. – Привет тебе от всего семейства. Тётя Римма деньги передала, дома отдам и вон... запасов на год.

– Эх, на неделю бы хватило, – вздохнул Колька и двинулся вперёд.

Ребята доехали до общежития, непринуждённо болтая о многочисленных родственниках, Колиной учёбе, Ваниной травме, разбитой Старушке и так далее, и так далее. Ваня сильно сомневался, стоит ли открывать Коле истинную причину своего визита в первопрестольную, но жгучее желание поделиться соображениями и мыслями хоть с кем-то победило все сомнения. Он рассказал любопытному родственнику и про серебристый «Лэнд-Крузер», и про базу данных ГИБДД, и про своё неофициальное расследование. Глаза у Кольки загорелись неподдельным интересом, а на мальчишеском ещё лице читалось явное желание поучаствовать в этом приключении.

– Я знаю, знаю! Придумал! – вскрикнул Колька, чуть не подпрыгивая на месте.

– Что придумал? – недоумённо посмотрел на него Ваня.

– Как ты будешь «Лэнд-Крузеры» осматривать? А их вла-

дельцев опрашивать? Тебе ведь нельзя с убийцей разговаривать! Он мог видеть тебя в машине рядом со Здравиным и запомнить. И тут ты – такой весь красивый —объявишься! Ха! Да тебя просят в два счёта! Расследование вести буду я!

– Что?!! – приподнял брови Ваня.

– Смотри, форма у меня уже есть, липовую корочку достану – не вопрос. Представлюсь там каким-нибудь сотрудником, скажу, что такой вот «круизер» был замечен в аварии где-нибудь в Долгопрудном. Скажу, там человека сбили, и надо вашу тачку осмотреть чуток... бампер, к примеру. Если это твой «круизер», то бампер там, конечно, ни при чём, а вот боковина помятая будет. Да и владельца могу спросить – где был тогда-то и тогда-то. Ловко?! – Коля счастливо улыбался, довольный собственной смекалкой.

– Ну да, неплохо, – признал Ваня, всё ещё сомневаясь.

– Да самый верняк! По-другому – никак! Сейчас домой продукты закинем, перекусим и решим все твои проблемы. Не дрейфь, братишка, с Коляном не пропадёшь!

Неуёмная энергия, ловкость рук и смелость (а точнее бесшабашность) Коли творили чудеса. К вечеру он действительно достал удостоверение сотрудника милиции, вклеил туда свою фотографию и полчаса тренировал у зеркала жест, которым, по его мнению, истинный милиционер должен предъявлять свою корочку. Потом Коля мерил длинными шагами общаговскую комнату, размахивая надкушенным солёным

огурцом, и вёл беседу с невидимым оппонентом: то щурил глаза, задавая каверзный вопрос, то вскидывал огурец и, выпячивая нижнюю губу, кричал: «Руки на капот!» Ваня смотрел на это представление и не знал, смеяться ему или собираться и ехать из Москвы подальше, пока энергичный Коля не сотворил какую-нибудь глупость.

Но, как говорится, утро вечера мудренее, и, проснувшись, Ваня решил принять Колю в игру, тем более что предложенный братцем вариант действий был очень даже неплох. Для начала «сыщики» раздобыли контактные телефоны главных подозреваемых. Это было делом нелёгким, но всё же выполнимым. В телефонном справочнике Москвы числились три Шитина Игоря Викторовича и два Грудинина Артёма Михайловича. Обзвонив всех пятерых (благо было воскресенье и на телефонные звонки отвечали если не сами Шитины и Грудины, то их родственники), ребята выяснили, кто именно был владельцем «крузеров». Этим двоим, всё в тех же телефонных разговорах, рассказали легенду о сбитом в Долгопрудном пешеходе и назначили встречи с просьбой предъявить к осмотру автомобиль «Лэнд-Крузер» серебристого цвета на предмет целостности бампера и лобового стекла. Чтобы облегчить жизнь честным гражданам, следователь Николай Буковкин изъявил готовность самолично подъехать к месту стоянки автомобиля.

Ближайший адрес принадлежал Шитину Игорю Викторовичу с его «крузером» 1999-го года. Туда легко добраться

на метро: пересесть на красную ветку и выйти на станции «Комсомольская», а оттуда уже рукой подать. Игорь Викторович в телефонном разговоре был сдержан и не высказал ни удивления, ни раздражения – встретиться согласился сразу. Когда «следователь» Буковкин с небольшим опозданием прибыл в назначенное место (на автостоянке рядом с медицинским центром), Игорь Викторович терпеливо ждал у заведённой машины, потирая озябшие пальцы.

– Шитин Игорь Викторович, полагаю? – деловито произнёс Колька, попутно показывая удостоверение. – Старший лейтенант Буковкин. Спасибо, что согласились встретиться. Не ожидал такой сознательности.

– А я не ожидал такой преданности работе, – сказал Шитин, поблёскивая очками в золотой оправе. – Сегодня же воскресенье!

– Долг зовёт, – ничуть не смутившись, ответил «лейтенант». – Поставили строгие сроки по этому делу. Сбили не абы кого, а тещу самого Шаца! Вы знаете, кто это такой? О! Вам лучше и не знать! Так что кроме вашего надо ещё десятков «крузеров» осмотреть. Я так полагаю, это и есть тот самый автомобиль?

– Надеюсь, что всё-таки нет. Как видите, бампер цел, лобовое тоже в порядке. Да и вообще, я в Долгопрудном уже года два не был. Какого числа произошло ДТП?

– Да в том-то и дело, что больше месяца прошло, шестого января было, прямо перед Рождеством, – пробормотал Бу-

ковкин, внимательно оглядывая правое крыло и дверь автомобиля. – Только тогда дело затянулось – свидетелей не нашли, пострадавшая без сознания три недели провалялась. А как в себя пришла, так нас на уши и поставили. Ищите, говорят, серебристый «Лэнд-Крузер» с битой лобовухой! А где теперь его искать?

– Да, нелёгкая задача, – сочувственно хмыкнул очкастый Шитин.

– А вы, кстати, где были шестого января? – прищутив карие глаза, спросил «лейтенант».

– Я? – очкарик как будто смутился. – Меня вообще в городе не было...

– Где были?

– Я в командировку ездил, в Германию.

– В Германию, – разочарованно протянул Буковкин. – На машине, что ли?

– Нет конечно. Машина на стоянке стояла. Можете у охранников спросить. Моё место №76.

– Если понадобится, спросим, – надменно произнёс Колька и для пущей важности выпятил нижнюю губу. – В случае чего будьте на связи. Честь имею!

«Лейтенант» приложил правую руку к серой мутоновой шапке, щёлкнул каблуками и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, двинулся прочь.

Свернув за угол, представитель российской милиции повёл себя совсем уж несерьёзно. Он протанцевал что-то на-

подобие хип-хопа, запустил снежком в пробегавшую мимо кошку и скрылся за дверями маленькой пиццерии. Там, вливая в себя третью чашку кофе, его ждал Ваня.

– Ну что? – нетерпеливо спросил он.

– Ничего! – развалившись на стуле, ответил Колька. – Машина целая со всех сторон. Утверждает, что шестого числа был в Германии, похоже, не врёт. Говорит, автомобиль всё это время на стоянке стоял, можем проверить.

– А почему сразу не проверил?

– Не знаю, я ему так поверил.

– До встречи с Грудининым ещё два часа, время есть, так что топай опять на стоянку, опроси охранников.

– Вот ты зануда, – недовольно проворчал Колька. – Дай хоть чаю выпить, там дубак зверский!

– Пей-пей! И топай!

Спустя час ребята уже тряслись в старенькой жёлтой «газели» по направлению к подмосковным дачам, вернее, к элитному коттеджному посёлку, разместившемуся на территории бывшего дачного общества. Охранник автостоянки полностью подтвердил слова Шитина, поэтому к следующему адресату Ваня ехал с замиранием сердца. Это был ОН! Ваня практически не сомневался, что автомобиль-убийца ждёт его во дворе №7 по улице Вишнёвой.

В этот раз Ваня решил присутствовать при разговоре лично, на всякий случай он натянул шапку пониже, шарф замотал повыше и безмолвной тенью встал позади Николая Бу-

ковкина, когда тот вдавил до упора кнопку звонка на кованых воротах. Благодаря хитрому механизму дверь распахнулась сама, как в сказке про Али-Бабу, и сыщики оказались в просторном красивом дворе с коваными беседками и лавочками, с мощёными дорожками и высокими заснеженными елями. На крыльце двухэтажного кирпичного особняка стоял коренастый мужчина средних лет.

– Грудинин Артём Михайлович, полагаю? – громко начал Коля по проверенной схеме и двинулся в сторону хозяина. – Меня зовут Николай Буковкин, а это стажёр мой, вы не возражаете, если он поприсутствует при разговоре?

– Не возражаю, – равнодушно ответил мужчина. – Жена сказала, вы хотели «Лэнд-Крузер» осмотреть. Я думал, дело давно закрыто.

– Какое дело? – не понял Коля, удивлённо посмотрев на Грудинина.

– Как какое? Моё! – так же удивлённо уставился в ответ подозреваемый.

– Мы расследуем ДТП в Долгопрудном, там шестого января такой машиной, как ваша, была сбита женщина... я говорил вашей супруге по телефону.

– Тьфу ты, чёрт! И стоило меня по этому поводу беспокоить?! – раздражённо рявкнул мужчина и закурил сигарету. – Вы там между собой хоть иногда информацией обменивайтесь! Моя тачка уже полгода стоит разбитая.

– Как разбитая?! – не выдержал и вмешался в разговор

Ваня, стягивая шарф с лица.

– Не верите – сами посмотрите!

Мужчина жестом пригласил ребят следовать за ним, и все трое двинулись во внутренний дворик усадьбы. Там, скрытое брезентовым пологом и толстым слоем снега, стояло нечто бесформенное. Мужчина уверенным жестом сдёрнул чехол, и взору предстала груда покорёженного металла серебристого цвета.

– А почему вы его здесь держите? – с искренним любопытством спросил Коля.

– Жду, пока страховку выплатят, судебное разбирательство только-только закончилось.

– Когда произошла авария? – сдавленным голосом произнёс Ваня.

– В августе прошлого года. Я на скользкой дороге перевернулся, а они мне хотели вождение в нетрезвом виде припаять, – ответил Грудинин, сердито поглядывая на Колину форму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.